

18+

АЛЕКСЕЙ АИМИН

Самое-самое

ЧИТАЕМОЕ И РУГАЕМОЕ

Алексей Аимин

Самое-самое. Читаемое и ругаемое

«Издательские решения»

Аимин А.

Самое-самое. Читаемое и ругаемое / А. Аимин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855496-4

История, филология, политика и многое другое в одном флаконе. Подборка эссе-исследований «Вдохновение», «Прозвища», «Эпитафии», «Слово на букву Ж» и др. Очерки «Собаки-политики» и «Кошки» горячо обсуждаются читателями. Многие из затронутых тем именитые члены союзов и академий старательно обходят — несолидно. Например, откуда взялось известное всем слово на букву «Ж»? Автор убедительно доказывает, что претензии на него англичан, французов и поляков несостоятельны и слово это чисто русское. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-855496-4

© Аимин А.

© Издательские решения

Содержание

Хочу представиться	6
Так писать нельзя	9
ВДОХНОВЕНИЕ или откровения бывшего поэта	13
В ожидании прихода	14
Набить руку	17
Осознание	22
лирика	27
Последователи	30
Напор растет	33
Музы спрятались	36
Несправедливость	40
Путь к бессмертию	44
СТРАСТИ ПО ПЕГАСУ	52
Кто же он – Пегас?	53
Кони – история...	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

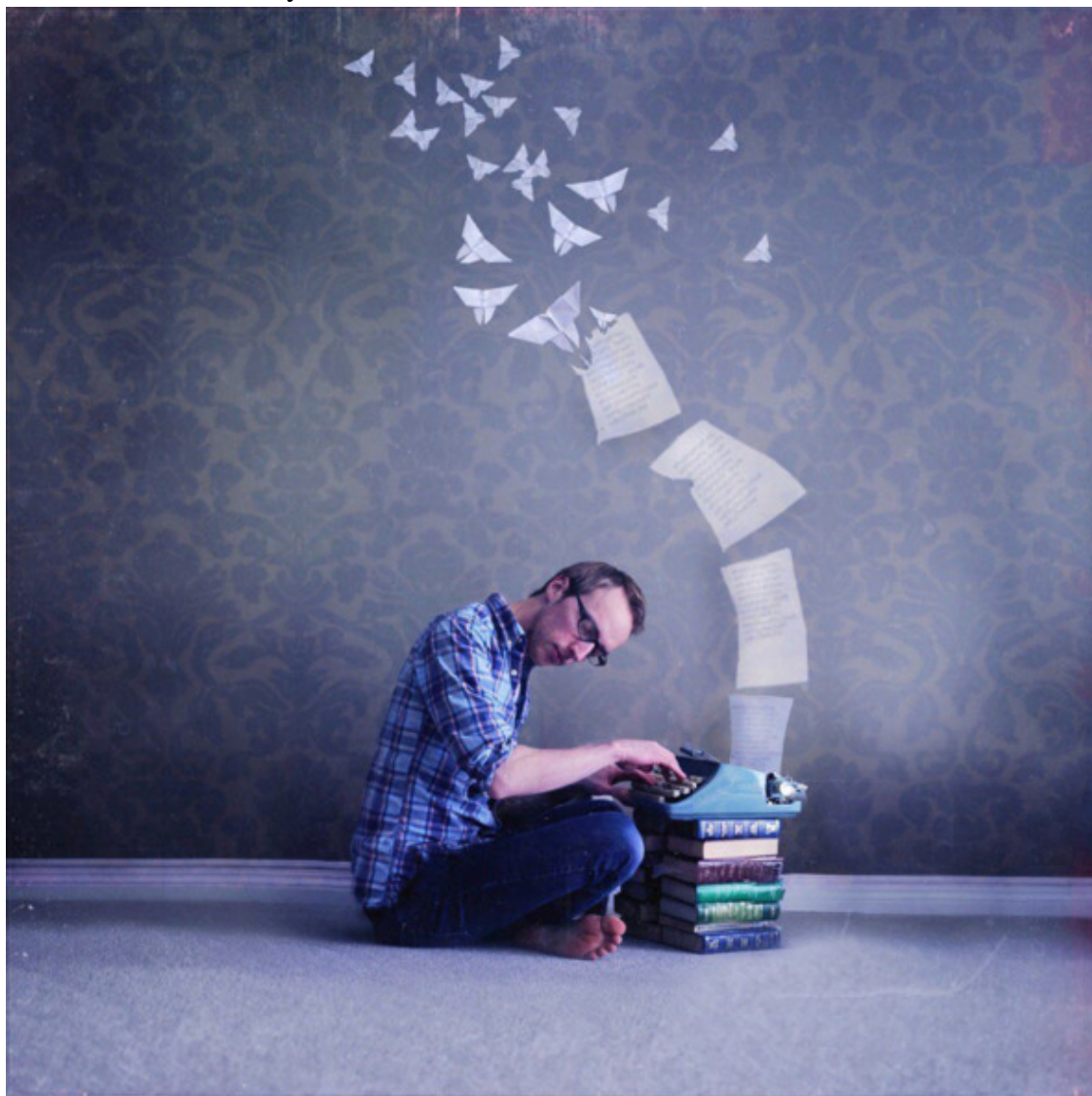
Самое-самое Читаемое и ругаемое

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2024

ISBN 978-5-4485-5496-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГДЕ ЖЕ ОНО ТО САМОЕ???

Хочу представиться

Очень часто авторы стесняются говорить все то хорошее, что они сами про себя думают. Обычно за них в книгах это делают друзья, их литературные редакторы или литературные критики под штатной вывеской «Об авторе».

Ложная скромность хороша, но не во всех случаях жизни. Ведь можно о себе заявить и скромно:

*Талант от Бога —
ну, так будь же скромным,
Будь ты Веласкес, Пушкин или Кант.
Вот я – всегда хожу со взглядом томным,
Любой посмотрит скажет что талант!*

Вообще слово *сам* – одно из древнейших в мире. Когда человек научился разжигать огонь, строить жилища – то есть, противостоять природным явлениям он получил уверенность в своих силах и определенную *самостоятельность*.

Поначалу знающих и умеющих было немного и их называли саманами (знающими людьми) или, в более известном произношении шаманами. В русском языке их так и называли знахари или ведуны.

Постепенно слог *само* стал определять более высокую и значимую степень определяющих черт и способностей человека подчеркивая его индивидуальность:

Самостоятельный – стоит без поддержки.

Самодостаточный – хватает ума и средств.

Самореализовавшийся – удачливый, попавший в кон.

Однако к таким положительным качествам добавляются и издержки с перебором:

Самоуверенность.

Самолюбие,

Самовольность.

В любом случае, если в последних качествах соблюдать меру, то они могут даже помочь человеку сделать карьеру.

Так что с этим самым надо поосторожней, я уже с этим сталкивался:

*С судом над собой у меня перебор,
особо по части душевных затрат,
я **сам** обвиняемый, **сам** прокурор,
и **сам** же себе я еще адвокат.*

Итак, в меру обладая самолюбием и самоуверенностью, я всегда предпочитал представляться сам. И незаметно в моем багаже собралась целая куча само-представлений, который по жанру я бы определил как автошаржи.

*Гулял по лесу, размышлял, и вдруг опешил,
меня одна догадка осенила:
Кто я такой?
– Да я обычный леший!
Ничуть не злой, а очень даже милый.*

∞

*С хорошими людьми – приятно жить,
им даже не зазорно услужить,
и получить улыбку их в награду,
в знак благодарности.
А больше и не надо...*

∞

*Своим завистникам желаю я всех благ:
поймать удачу, счастье обрести.
Ведь я уверен, что лишь только так
Они исчезнут с моего пути!*

∞

*Так двойственность в меня засела,
Что не расстаться с ней до гроба!
Одни считают мягкотелом,
Ну а другие – твердолобым.*

∞

*Себя я к лучшей половине отношу,
Хотя похвастаться особо нечем.
Ну, правда, не курю я анашу
И без наколок грудь моя и плечи.
Еще вот у людей не воровал
(Я скромно промолчу про государство),
И по большому счету я не врал,
Лишен злых умыслов и всякого коварства.
Я в жизни никого не заложил —
Хоть числюсь балаболом, краснобаем...
Вот так полжизни я своей прожил,
Что будет во второй – пока не знаю.*

∞

*На дело я свой час хотел потратить
А вот Господь распорядился по другому.
Вот интересно: кто теперь заплатит,
Час продремавшему, бездельнику такому?*

∞

*Душою чист я как стекло,
Но тело малость подвело.
Душа на подвиги зовет,
А тело все же отстаёт.
В душе хочу я полетать,
А телу хочется поспать.
В душе я храм хочу возвесть,
Урчит живот – пора поесть.
Готов поститься я века,
Но к рюмке тянется рука.
В душе клянц разврат и блуд,
А ноги к девочкам несут.
Хочу весь мир благословлять —
Язык, напротив, – всех послать.
Душой я ангел! – Как назло,
Вот с телом мне не повезло.*

∞

*Чем дальше я шагаю сквозь года,
Мне все труднее и трудней определиться,
Хорош ли, плох? – я начинаю злиться,
Придется ждать мне высшего суда.*

Так писать нельзя

А судьи кто?

Когда я начинал писать, Интернета в нашей стране еще не было. Как правило, у начинающих высшей оценкой считалось публикация в каком-то печатном издании районного или областного масштаба. Я попробовал, отправил, но меня ошарашили фразой:

– *Так писать нельзя!*

– А как можно?

– Так как все.

Всеми я становиться не собирался и потому продолжал писать, так как нельзя. Позже, чтобы не применять крепкие выражения, для спасения от наплыва графоманов редакторы СМИ придумали короткое и не очень обидное определение *не формат*.

По сути, оно значило то самое, о чем вы подумали – посылали подальше перестроить опусы.

Я уже было хотел завязать с бесполезной долбежкой, но тут редактор районной газеты меня подбодрил фразой, которую мне потом передали, что «мои стихи будут в газете только через его труп!»

Это была высокая оценка! Но к тому, что так и случилось я не причастен: развала СССР ярый партизнец не перенес – инфаркт.

И вот уже новые коммунисты приглашают меня на борьбу с демократами. Решил чуть поиздеваться и предложил им вот такой стишок:

*На подходе к коммунизму,
Нас скрутило только так.
Перестроечную клизму
Вставил нам один чуждак.*

И с тех пор вот все основы

*Вводят нам посредством клизм
Популярно, – вот и слово
Появилось – «популизм».*

*Вновь раздрай по нашей хате:
В коммунизм! – В капитализм!
Но куда-то все же катим,
И, похоже, в катаклизм.*

*Вновь вливание – мол, скоро
Будем все и все иметь.
Лучшие б дали от запора
Нам спокойно помереть.*

И вновь услышал – **так неположено!**

– А как положено?

– Ну не так...

Дважды мне предлагали писать как там у них положено. Первый раз мои друзья диссиденты предложили мне немного подработать на радиостанции Би-Би-Си. Там было только одно условие – писать про Россию плохое. Есть у меня и плохое, что в горячие денечки написано, но одно то, что меня ставят в рамки... – отказался.

Еще одно неофициальное предложение – стать духовным поэтом. При этом тоже условие – стихи должны быть каноническими. Каноны – это та же рамка, тот же самый формат. А я в рамки никак не влезаю, лишь несколько стихотворений в каноны втиснулись, те самые которые и привлекли внимание духовников.

Витать где-то высоко в отрыве от реальной жизни у меня всегда плохо получается. Вот потому мои творения, пусть даже о высоких чувствах, но обязательно с какой-нибудь червоточинкой:

*Я яичко на Пасху тебе поднесу
С христианским воскресным приветом,
А потом расцелую тебя, как в лесу,
Помнишь, было в лесу прошлым летом?*

*И тебе будет попросту не устоять,
И как будто под ветром небесным,
Шевельнется под сердцем забытая страсть
И любовь, как Христос, вдруг воскреснет!*

В данном случае, что так писать нельзя, я понял и без подсказок. Да и вообще проза жизни уже толкала к прозаической литературе.

Начал писать рассказы, очерки, эссе и все повторилось. Но теперь уже и критики появились весомее – всяческие члены, доценты с кандидатами. Я опять подрос в своих глазах. Ну а когда среди критиков появился первый академик – даже уважать себя стал не меньше чем своих родителей.

Получив очередной «плювок» сверху – не мешайся под ногами и знай свое место, в своей очередной книге «Седла для Пегаса» раскритиковал ситуацию в российской литературе начала третьего тысячелетия. При этом возложил всю ответственность на руководство «доблестного» СП России.

Проехавшись с издевкой по лауреатам различных премий и прижизненным «литературным монументам», получил очередной весомый намек, что так писать нельзя! Особенно неприятно, что все делалось втихаря и без объяснения причин.

Блокировка личного сайта, уничтожение авторских страничек в «Википедии» и двух международных сайтах было только началом. Потом было занесение моего эл. адреса в черный

список всех наших литературных изданий. Сам его не видел, но крестик, говорят, был жирным. Это еще больше укрепило в сознании, что пишу правильно – так как надо, но так как нельзя.

В то же время меня поддержали читатели. Наряду с высокопоставленной критикой под моими опусами прилагались благодарности простых людей. В своих отзывах они делились со мной своими проблемами, а порой откровенничали как с родным человеком.

Решил проверить уровень своего сочинительства – отправил пару рассказов в израильский журнал «Русское литературное эхо». Напечатали сразу. Понял, что все мои гонения имеют не политическую, а тусовочную основу с отголосками совковости. По-простому – не вписался в канву или еще проще в колею.

Сейчас, когда Интернет дает возможность свободной публикации авторам стало попроще, но их количество быстро выросло и исчисляется даже не десятками, а сотнями тысяч. Напечатать свои труды стало проще, сложнее донести до читателя.

Часть представленных здесь очерков и эссе прошли проверку и временем и читателями. Их по скромным подсчетам прочли десятки тысяч человек. Надеюсь, что вы не пожалеете открыв эту книгу а заодно *как писать нельзя узнаете*.

ВДОХНОВЕНИЕ или откровения бывшего поэта

*Человек начинал говорить!..
И, не в силах бороться с искусом,
Обнаружил великую пруть
Во владении этим искусством.
Он придумывал тысячу тем,
Упиваясь минутным реваншем.
Говори-и-ть! – А о чЕм и зачем —
Человеку казалось не важным.*

Леонид Филатов

Писать человек стал значительно позже, чем говорить. При определённых сложностях – отсутствии бумаги и чернил – поначалу это были короткие записи: заклинания, долговые расписки, и только потом к письму приобщились философы и поэты. Уже в древности было замечено: тех, кто умел хорошо говорить, быстро забывали; чаще помнили о тех, кто даже плохо писал. Тогда-то и появилась эта мания: заявить о себе, оставить след на камнях истории, а проще – застолбиться.

С привычками предков мы сталкиваемся и сейчас, созерцая автографы на стенах домов, подъездов и заборах.

ВАСЯ+ТАСЯ =ЛЮБОВЬ

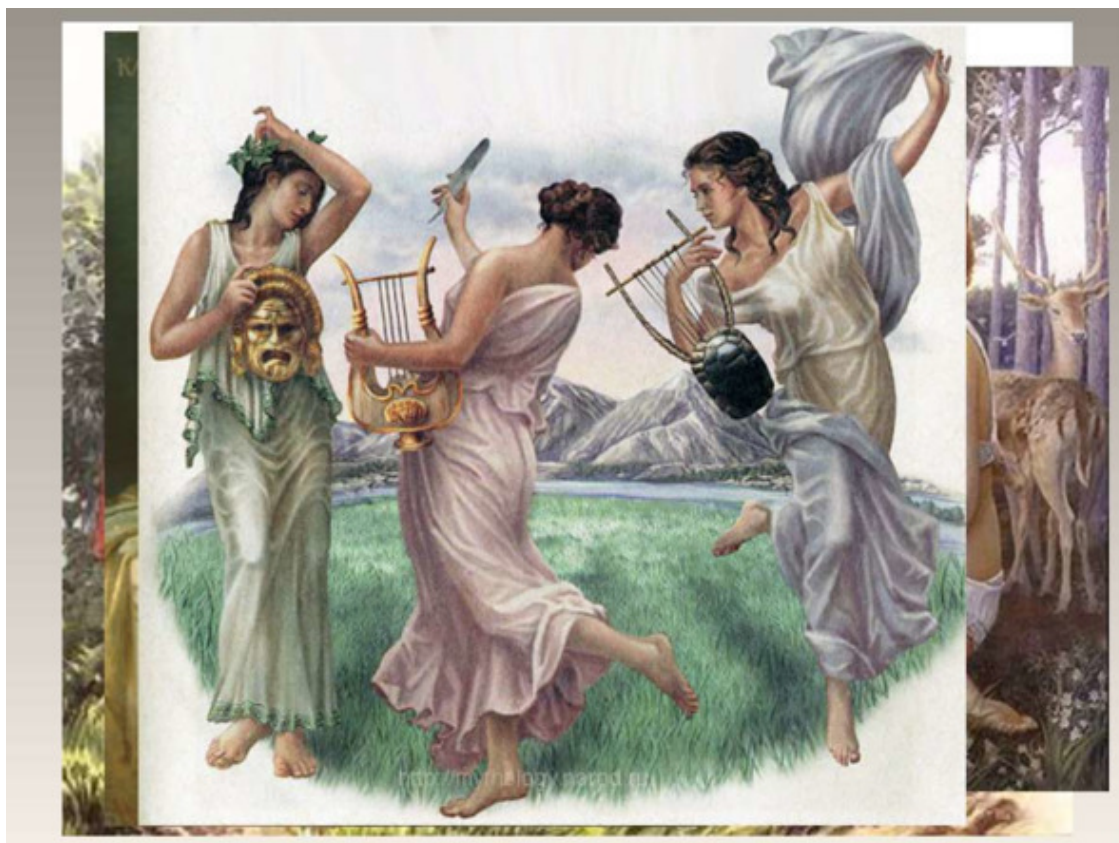
Но эти каракули обычно долго не живут – до очередного ремонта или, в крайнем случае, до сноса дома. Для того же чтобы действительно за-помниться на века, надо создать что-то более значимое и весомое, например, шедевр. На тему, как создавать гениальные творения, я и предлагаю поговорить.

В ожидании прихода

От замысла до шедевра, будь то поэт, писатель, художник или музыкант, надо преодолеть три ступени – *талант, мастерство и вдохновение*.

Если эту формулу разобрать, то первое нам дается родителями, второе зарабатывается упорным трудом, ну а третье – это уж как получится.

Тема вдохновения наиболее актуальна в писательской среде, особенно у поэтов. Они часто пускаются в пространственные рассуждения по этому поводу, посвящают Музам стихи.

Музы поначалу жили в Греции

В период творческого застоя или загула, поэты сваливают все на отсутствие **Вдохновения**.

На мои конкретные вопросы о контактах с этой субстанцией столь же конкретных ответов я не получил. По-видимому, тема эта насколько актуальна, настолько и интимна. Но раз уж она озвучена, то придется в большей мере опираться на свой опыт:

*Вдохновение изредка приходит,
Ждешь, не ждешь, – приходит невзначай.
Интересно, где оно там бродит,
Сколько раз уж приглашал его на чай.*

*Чай хороший, я на нем не экономлю,
Сам, к примеру, с удовольствием я пью,
Но чтоб заходило, не припомню,*

В тот момент, когда я заварю.

*Вот когда допью, тогда приходит,
– Посиди, – ему я говорю.
А оно посмотрит и уходит,
Не дождавшись, когда снова заварю.*

Но такие достаточно корректные отношения наступают либо в середине, либо в конце творческого пути, когда ты уже полностью согласен с Гёте:

«Вдохновение – это не селедка, которую можно засолить на долгие годы».

Вначале же молодые творцы предпочитают видеть Вдохновение в образе прекрасной и зажигающей музы Эрато. Вот как это лаконично выразил некто Чернов В. А.

Слишком соблазнительная муза – это короткое замыкание...

Попытка найти автора этих строк чтобы поподробнее узнать о той короткой встрече не увенчалась успехом. Всяческие гнетущие подозрения от себя отгоняю.

Вопрос выбора желательных гостей у поэтов в течение творческого пути уже сложился – сначала Муза, потом Вдохновение и, наконец, Пегас. И если у первых двух еще существует какая-то взаимосвязь, которую прагматично определяет Игорь Субботин:

Муза – это форточка в окне вдохновения.

то с Пегасом разговор отдельный и он еще впереди.

Если честно, у меня с Эрато отношения не сложились и закончились ещё в студенческие годы. Из доброй сотни сочинённых любовных опусов всего один или два, за которые не стыдно. Да еще студенческая прибаутка:

*Иду, а впереди такая прелесть!
Аж сводит челюсть!
Аж сводит челюсть!*

Случайно вернувшись к творчеству лет через пятнадцать в качестве поэта-юмориста, я пересмотрел свое отношение к этой даме:

*Меня раз муха укусила,
Ну а затем еще комар.
Потом вдруг муза посетила,
Но от нее какой навар?
От мухи запах неприятный,
От комара на коже след,
Короче, есть навар бесплатный,
От музыки ничего же нет.
Ее не тронуть, не пощупать,
Обнять нельзя и ощутить,
Бывает, ляпнешь ей вдруг глупость —
Она перестаёт любить.
Еще и фыркнет, отвернется,
И может даже убежать.*

*Догнать? Вернуть? – Да перебьется.
Ведь завтра прилетит опять.*

Набить руку

«Набивая руку», я вступил на стезю, знакомую многим начинающим и самоуверенным поэтам: что вижу – то пою.

При такой постановке присутствие Музы не обязательно. К тому же Муза все же дама, и не во все уголки и закутки ее можно брать с собой:

*Там в тишине, за дверью туалета,
Где ведра, швабры, трубы, вентиля,
И где журчит прохладная струя,
Конечно же, не место для поэта.
Но в глубине, под крышкой унитаза,
Куда бежит хрустальный водопад,
Две звездочки далекие блестят...
Ах да, конечно, – это же мои два глаза!*

Ближе к сорока люди обычно становятся прагматиками, а иногда и скептиками, утверждая, что у Вдохновения нет расписания, а Музы слишком капризны.

Но как говорил Петр Ильич Чайковский:

Вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых.

Вот я и считал, что отсутствие Вдохновения, на которое жаловались мои собратья по перу, это лишь прикрытие неумелости и своей неподготовленности. Ведь если ты знаешь, что хочешь сказать, умеешь расставлять правильно слова и отдельные знаки препинания, то нет ничего проще создать произведение которое может порадовать и создателя и читателя. Они же все в гении шли записываться и цитировали А. С. Пушкина:

...Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет:
Хорошие стихи не так легко писать...

Тут можно и поспорить Например, исследователи творчества Омара Хайяма утверждают, что этот выдающийся математик и астроном древности писал свои рубай, складывая их, как кирпичики, из нужных и подходящих слов.

Я тоже провел поэтический эксперимент и попробовал написать свежо и интересно о самом заурядном действе. Принимаю душ, а кто-то нашептывает строчки, оглянулся – никого, хотя ощущение присутствия было. В конце концов вот что из этого получилось:

*Как мягко бьет струя из душа,
Чуть разгоняя кровь мою,
И греет тело, греет душу,
Я на макушку воду лью!
Шампуня мне на все хватило,
Мочалка тихо шелестит,
Ах, мило, до чего же мило
Под нею кожища скрипит!
На пену я смотрю глазами —*

*И вправду, чем еще смотреть?
И шевелю в воде ногами,
Приятно – просто обалдеть!
Потом мохнатым полотенцем
Я, начиная с головы,
Тру шею, грудь в районе сердца,
Потом аппендицита швы.
Вопрос возник под вашей бровью,
Читая эту всю фигню? —
Что чистота – залог здоровья!
Я только к этому клоню.*

Быт не зовет к заоблачным высотам

Но оказалось, что, зарабатывая поэтические навыки, я подготавливал почву для своих последующих встреч с Музами. Сначала они были случайными и порой неожиданными:

*Бармен не тот смешал коктейль...
Всё в голове перемешалось:
Упругость губ, духи «Шанель»,
И снизу поджимает малость,
И хевви-метл, и два по сто,
На фильтре яркая помада.
Вопрос глупейший: – А ты кто?
Она мне: – Я твоя баллада,
Твоя поэма, твой сонет,
Я муза легкого веселья.
– Ты насовсем?
– Конечно, нет, я ухожу,
Подруге передай привет.
– А как зовут? – Она в ответ:*

*– Да тоже Муза,
Только тяжёлого похмелья...*

Постепенно отношение к стихам стало меняться.

Поблагодарив судьбу и родителей за дарованную жизнь обычным разговорным языком я получил массивную критику маститых пиитов – это не стихи а бла-бла-бла. Ну согласитесь, ведь это же никакая не поэзия:

*Что было б, если я вдруг не родился?
Навряд-ли сильно изменился мир.
Сосед бы гриппом от меня не заразился,
Приятель мой пореже может пил.*

*Никто бы тестю не помог с дровами,
Другой бы муж был у моей жены,
Стране проблем поменьше с сапогами,
штанами, макаронами...*

*И сорняком наверняка заколосился
Не перекопанный в деревне огород,
И может до помоек опустился
Подобранный однажды мною кот.*

*И лец был жив, что выловил весной,
И до сих пор еще вилял хвостом,
Я б не участвовал, конечно, ни в «застое»,
Ни в «перестройке», что пришла потом.*

*Конечно, мир немного б изменился,
Но как? – Мне никогда уж не узнать.
Ведь я однажды взял, да и родился,
Спасибочки отец, спасибо мать.*

– Изучай теорию стихосложения, деревня, и пиши о высоком.

С концепцией создания стихов по подобию собирания детского конструктора я не соглашался. Но в малых формах в принципе это возможно, например, поймать отдельного журавля, механически балагурия-каламбуря:

*Нет, не забыть мне изумительные строчки,
На лямках у твоей ночной сорочки!*

Но даже такие удачи, поначалу радовавшие меня, уже не грели. Противовесом конструкторскому принципу стихосложения стало знакомство с японскими хайку и танку, наполненными вдохновенным созерцанием. Надо научиться по особому видеть и осмыслить увиденное. Лучше всего уединившись. Короче – полный духовный интим.

Вот как, например, Мацуа Басё:

«Бабочки полет
Будит тихую поляну
В солнечном свету»;

Мысли-бабочки летают...

или Кобаяки Исса:

«Снова весна.
Приходит новая глупость
Старой на смену.»

Попробовал сам, не сразу, но получилось:

*Твои глаза —
Голубое небо —
Ни единой тучки.*

Так продолжая набивать руку – некоторые называют это более значительно – шлифовать мастерство, вдруг стал замечать, что в моих юмористических стихах стала появляться некая лиричность:

*А весна была и теплая и ранняя,
И черемуха цвела, за ней сирень.
Подарила мне она одни страдания
И мозги под кепкой набекрень.*

Это переплетение для меня стало неожиданностью. Но потом таких «коктейлей» становилось все больше. Иногда вплеталось осмысление:

*Когда б была молитва от морицин
Седых волос и старческих маразмов,
Тогда б молились все мы как один,
К тому ж усердно и с большим энтузиазмом.*

Но порядок был как и у всех – сперва написать, а потом уже
осознать написанное и определиться.

Осознание

К вопросу контактов с нереальным миром я стал относиться серьезнее, даже Александра Сергеевича томик открыл. Нашел где он предупреждает свою подружку о возможных случайных связях:

**Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.**

Так постепенно переосмысливая феномен Вдохновения я сделал из наблюдения осмысление:

Вдохновение – Божье дуновение. Словно ветер – не видишь, а чувствуешь.

Все более и более убеждался, что без души, с которой Вдохновение водит дружбу, творчество становится обыкновенным ремеслом. В конце концов в своих воззрениях на него я определился: *то, что идет от сердца, – это стихи, то, что идет от разума, – проза, пусть даже рифмованная.*

Поэтому свои первые сборники в подзаголовках я так и представлял: *«несерьезные стихи и мысли»* и *«рифмованная и не рифмованная проза»*.

Просмотрев словари, я нашел там только общее скучное определение: Вдохновение – творческий подъем, прилив творческих сил. Покопавшись среди мудрых мыслей, нашел высказывание Шиллера:

«Одного вдохновения для поэта недостаточно – требуется вдохновение развитого ума».

И вот, наконец, Вдохновение стало посещать меня по более серьезным вопросам, в которые невольно вплетались ироничные нотки:

*Люблю – и все! О чем тут говорить,
Я сам к себе испытываю зависть,
А как приятно всё-таки любить,
Теряя вес, и голову, и память.*

*Весь истощал, и потому вот кость
То там то сям чего-то выпирает,
Цепляя все, аж разбирает злость,
Но голова все тут же забывает,*

*Ведь в ней одно: люблю!
Люблю!
Люблю!
Люблю!
Хотя возможно, и напрасно.
Любовь меня убьет!
Иль я ее убью!
Одно из двух.
Но как это прекрасно!*

Любовь меня убьет – а может быть и нет...

На трезвую голову, оценив свои возможности, столкнулся с огромными пробелами в своих подкорках, которые в народе почему-то именуют серостью. Это было вполне естественно, ведь, во-первых – по образованию я технарь, а во-вторых:

*Я учился плохо, не скрываю,
Чувствовал – учили не тому,
Троечки с натугою сишбая,
Лишь теперь я понял почему
Так зубрёжку раньше уважали,
Ставя во главу «от сих – до сих»
Если ж вы вопросы задавали,
То придунок, а скорее псих...*

.

Из очень важных и обязательных предметов для любого советского ВУЗа – марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, мы не извлекли ничего стоящего. Нет, вру. Из часто цитируемых строк Маяковского:

«Мы говорим Ленин – подразумеваем партия, мы говорим партия – подразумеваем Ленин!»

нами был сделан логически четкий и выверенный вывод, что при данном режиме это была норма – говорить одно, а подразумевать другое.

Надо было что-то срочно предпринимать. Все знают, что учиться трудно, а переучиваться еще сложнее. Но процессу его заполнения пустот мешало одно известное всем качество – лень. Пришлось поднапрячься и освоить курс филологии и философии экстерном. Что и было выражено вполне себе образно:

*Я поднимаю планку каждый день,
Там за спиной обыденность молвы,
Соперник лишь один – моя же лень,
Хочу я прыгнуть выше головы.*

*Сегодня видно высоты не взять,
И номер этот может быть пустой.
Я разбегаюсь снова и опять,
Опять сишаю планку головой.*

*Однако снова отгоняя лень,
Я разбегаюсь, отрываюсь и парю...
Ещё один я проживаю день,
Преодолев посредственность свою.*

Изучая (громко сказано) творчество классиков, я пришел к интересному заключению, – среди гениальных поэтов нет ни одного с благополучной судьбой. Ну, в общем, это и понятно, – равнодушных среди них никогда не было. К тому же все они были максималисты с обостренным чувством справедливости.

На их личные неурядицы часто накладывались страдания народа. Что еще интересно, все наиболее известные поэты жили они всегда в преддверии или в период каких-либо социальных потрясений, войн или революций.

Именно в такие моменты поэты были наиболее востребованы и народом и политиками. Кстати, это очень хорошо поняли большевики, которые собрали талантливых поэтов под свое крыло. Пролетарские трибуны должны были призывать к борьбе, поднимать энтузиазм масс, сочинять гимны. Чем все это кончилось (для поэтов), все знают.

Востребованы они были и в годы последней войны. Что же касается шестидесятников, то это было просто расчет Хрущева, запрячь их на комсомольский порыв новостроек. И революционные настроения были притушены.

Мы вот тоже пережили годы реформ. В девяностых основную массу народа жившего и так не богато, опустили за грань бедности, можно сказать кинули. Меня это тоже коснулось. И в моем творчестве был период, когда я даже выступил от имени народа, выпустив книгу сатирического содержания «Хочу я с вами поделиться». Основным ее лейтмотивом было:

Совсем запутала нас пресса,

*Мы все уже на грани стресса,
Никто не знаем, кто такие —
Такие мы или сякие.
Давно уже мы не марксисты,
Хотя и не капиталисты,
Пока еще не демократы,
Но, слава богу, не кастраты,
Ни либералы, ни массоны,
Мы из Советской бывшей зоны, —
Простые русские мы люди,
За что имеем хрен на блюде!*

Революционное Вдохновение на моем пороге топталось недолго. И в книге были отнюдь не призывы к борьбе, а лишь констатация свершившегося:

*Хрустящий снег вдруг превратилась в кашу —
Вот так же и политика вся наша...*

*Пойдешь налево – флаг нести заставят.
Пойдешь направо – там обокрадут.
И только прямо – к ордену представят,
Представят точно, только не дадут!..*

Революционный порыв скрылся за поворотом

Реформы, слава Богу, прошли. Поэты, на этом отрезке истории, негодились. Согласно новых политтехнологий совсем не требовалось, чтоб кто-то «глаголом жег сердца людей». Их (сердца), наоборот старались притушить латиноамериканскими сериалами и бездарной попсой.

Интерес к поэзии у читателей быстро убывал.

Вот те на! – подумал я, – и чего ж это я зря трудился? А тут еще Вдохновение стало опять заглядывать. Решил определиться. Просмотрел признанных – ничего стоящего, просмотрел молодых – жалкие потуги на новые формы.

Но не пропадать же добру, решил издать содеянное.

лирика

В третьей книге в одной из глав был сделан небольшой анализ классического наследия, в котором и пришел к выводу, что про цветочки и листочки уже все написано, и про всепоглощающее чувство любви тоже. Лучшего уже не сотворить, ну если только чуть приблизиться. Рискнул и все же выпустил свою четвертую книгу лирики. Здесь, как и у всех классиков, тоже вскользь затронул тему вдохновения, основанную на личных ассоциациях, например:

*Чтоб о прекрасном написать,
Подальше надо гнать браваду,
И зло подальше надо гнать,
И сесть за стол, конечно, надо.
И, потеряв слегка виски —
С прекрасным вроде не до шуток,
Отгородиться от тоски
Букетом скромных незабудок.
Чтоб было сухо и тепло,
Взять растопить большую печку,
А чтобы на душе светло —
Поставить у иконы свечку.
Всё тщетно! И лишь только ты,
Одна поможешь, я же знаю,
Ты скажешь мне: – Родной, пости,
И пусть тебе приснятся дали,
Цветные розовые сны,
Летай в них выше, выше, выше...
А как проснёшься утром ты,
Так о прекрасном и напишешь.*

Эффект от издания превзошел все ожидания. Когда жене позвонила её знакомая и сказала, что, читая книгу, они с мужем весь вечер проплакали, когда молодая девушка рассказала мне, что, её папа пять раз подряд прочитал одно из стихотворений а потом переписал его, когда в одной из библиотек у меня попросили ещё один экземпляр, потому, что их сотрудница уезжая на постоянное место жительства в Париж, не хотела с ней расставаться, я понял, что все было не зря, и мы с Вдохновением нашли общий язык.

Последнее что я попытался осуществить это написать полновесное произведение в максимально сжатом формате. Получилось четыре строки:

*Проснулся как-то- голова в тумане
под впечатлением увиденного сна.
Приснился поезд я на нем приехал к маме,
туда где детство и где вечная весна...*

Приснился поезд...

– Вот и все – подумал я, своей вершины я достиг. Лучше уже не напишу, а толочь воду в ступе – это не мое. Надо прислушаться к мудрому совету древних:

если тебе нечего сказать – надо прекращать говорить.

Решение было бесповоротным – с поэзией завязать, тем более что с ее предназначением и с самим главным поэтом я определился:

*Поэзия – во всем: в любви, в свободе,
В трудах великих и сезонной моде,
В надеждах, помыслах и розовых мечтах,
В младенчестве и старческих летах,
В терзаниях души, в ее стремленьях,
В природе, что нам дарит вдохновенье.
И тот, кто сотворил для нас все это,
Был гениальнейшим из всех поэтов!*

Перейдя на прозу и копаясь в истории, я уже стал знакомиться с новыми музами Они были более серьезными и предсказуемыми. Однако... подумал и сделал заключение:

В каждом писателе должен жить строгий и объективный критик, который может трезво оценить сотворенное и различить, что было написано в обычном пьяном угаре, а что под воздействием божественного напитка «Вдохновение».

Последователи

Такой трезвый взгляд приходит с опытом, одно лишь жаль – не ко всем.

В молодости почти все поэты прошли стадию самоутверждения и не всегда удачно. Ко многим надолго прилипает прозвище «Поэт» с негативной интонацией: – Что с него взять – поэт...»

Мне помог случай который всплыл в воспоминаниях о том времени когда с музами я еще только заигрывал:

*Читал стихи я раньше всем подряд,
Тогда, когда я их еще писать учился.
В ответ, то снисходительный мне взгляд,
А то советы, чтобы подлечился.*

*На людях графоманство проверял, —
Ну, наивняк же был, ни сном ни духом,
Пока мужик мне в электричке не сказал,
Дыхнув несвежим перегаром в ухо:*

*– Фонтаны отключаются зимой,
Поэтому меня послушай, милый,
Зима настала, слышишь, дорогой? —
Поэтому заткнись, не фонтанируй!*

*Та фраза так застряла в голове,
Хотя поэтом и нормальным уж считаюсь,
И вроде бы и лето на дворе,
Но очень редко я теперь включаюсь.*

Остановился, переосмыслил, и понял, что все ранее сотворенное в лучшем случае надо сжечь, в худшем сдать в макулатуру или наоборот.

Так как этот начальный путь проделывают практически все, я пытался начинающим помочь.

В прошлом тысячелетии (согласитесь – громко звучит), в середине 90-х вышла моя первая книга «Проба пера». В ней я делился секретами поэтического мастерства, на чисто бытовом уровне. Замечу, Тогда еще не было открыток со стихотворными штампами и стихоплеты моего уровня всегда имели портфель заказов. Однажды пришлось писать поздравление заместителю министра СССР.

Получилось некое пособие по сочинению поздравлений и дружеских шаржей, набор забойных рифм.

Там же можно было найти шутки и стихи для вечеринок и капустников. Кто-то даже использовал книгу для проведения КВН районного масштаба.

Заканчивалась оно таким пожеланием:

*Мгновения уносятся бесследно
И в легкой дымке где-то исчезают,
И также тихо, вроде незаметно
Вся наша жизнь когда-нибудь растает.*

*И мысли исчезают как мгновенья,
Как за обедом исчезают беляши,
И если есть хоть капля вдохновенья,
И мысли дельные – возьми и запиши.*

Интересно, что именно в то время началось повальное увлечение нашего народа стихотворчеством. Я не склонен был брать ответственности на себя – книга была издана мизерным тиражом. И хотя она ходила по рукам, исчезала из библиотек.

Ее даже ксерокопировали.

Но по большому счету это было совпадением.

Вероятнее всего, народ которому раньше настоятельно рекомендовали думать молча, а говорить лишь на своей кухне и то вполголоса, обрадовался свободе слова. Люди у нас ученые и потому еще несколько лет осторожничали и присматривались, как бы что не так вышло.

Потом же, осмелев, с энтузиазмом ринулись на прорыв. Ну а про наш энтузиазм во всем мире знают. Какое еще там Вдохновение, какие еще там Музы!

Я и раньше относился к графоманам отрицательно. Прочитав несколько сборников местных «самородков» и зацепившись за выдающиеся строчки типа:

«Писать в поэзии мне мало...» и «Я был не в меру босоногий», у меня родился образ сельского поэта:

*Я был не в меру босоногий,
Копна торчала из волос,
Сначала видом был убогий,
Но постепенно рос и рос.
Сутулую расправил спинку,
Но не совсем ещё был гош,
Слегка на дикую травинку
В те времена я был похож.
Но жизнь немного лучше стала —
В газетах то смогли прочесть,
Еды сначала было мало,
Потом почаще стали есть.
Вот стали плечи раздаваться,
Ступни чуть подросли у ног,
Свободно стал я раздеваться
На пляже – раньше я не мог.
И конопатые девчонки
Вдруг заглядятся на мой стан
И засмеются громко-громко,
Ни дать ни взять как мой баян.
Ну а когда окрепим в меру
Пошёл в заочный институт,
Я стал уже для всех примером,
Мой лоб был несравненно крут.
Теперь легко по жизни ишарю,
Грудь колесом, под ней живот,
Пишу стихи, ветеринарю
И славлю землю и народ!*

Это был небольшой вал местного значения проходивший под грифом «Поэты от сохи». Они подражали и всем и сразу. В чести был, конечно, Есенин. Но до девятого вала еще было далеко...

**Всюду бизнес процветает – кто что может продает
У меня же дури много, но никто вот не берет!**

Напор растёт

Чуть позже мне попали в руки питерские литературные альманахи первых лет нового тысячелетия «Рог Борея», «Остров» и газета вновь созданного Межрегионального Союза Писателей Северо-запада «Русь».

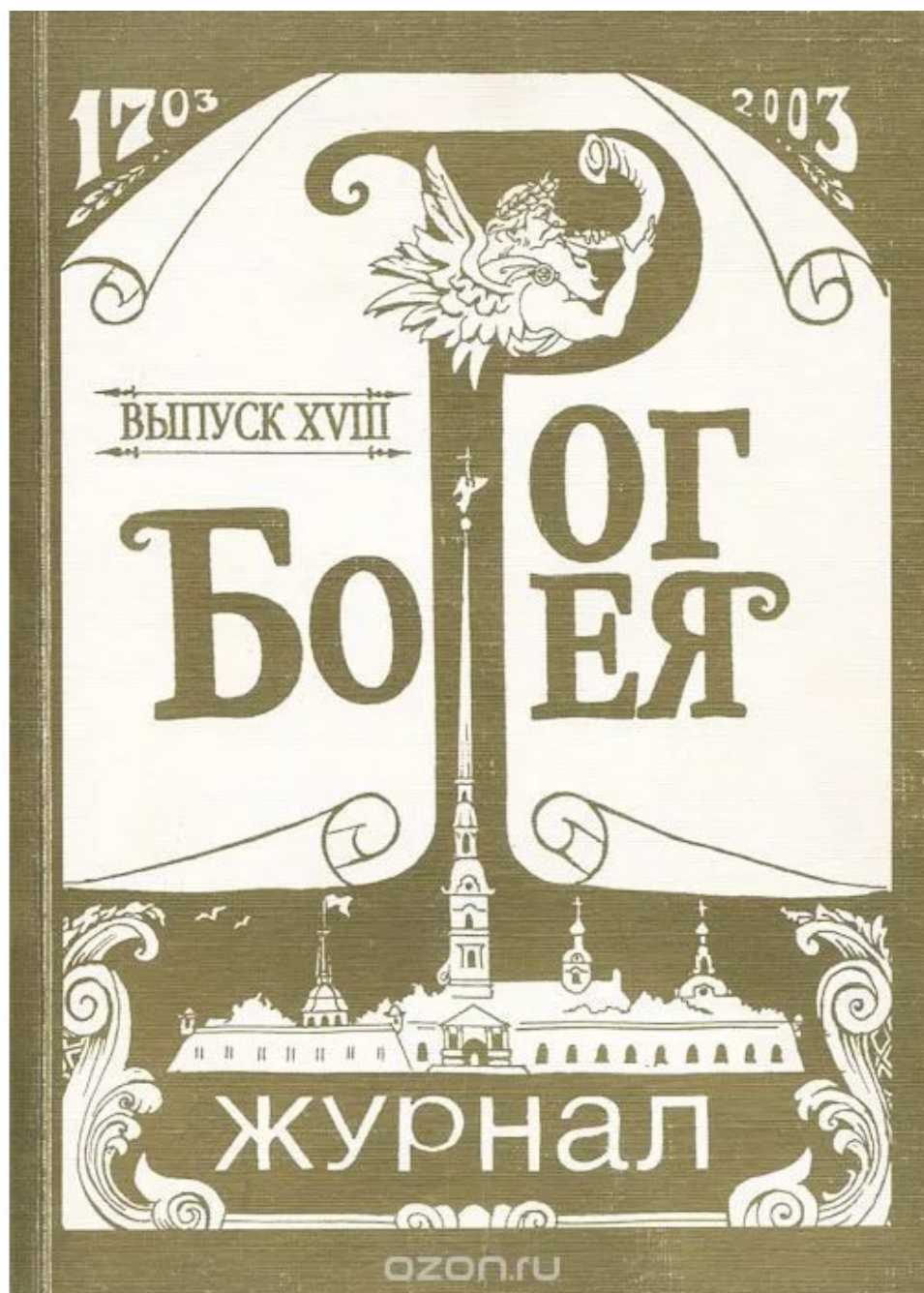
В них оформился образ городского графомана. Возник он у меня в форме литературной пародии, жанр, который захватил меня практически на год. Одну из пародий я назвал «Несправедливость»:

*Машин по Питеру!
Откуда столько денег?
Александр Лазаревский «Рог Борея»*

*Машин по Питеру!
Откуда столько денег?
А у меня в кармане ни копейки.
К тому же день хреновый – понедельник,
И зеркало чужое – в нём не я.*

*Протру глаза, пошарю по карманам,
На пиво, может, всё же наскребу,
В сердцах упомяну чужую маму
И сплуну сквозь подсохшую губу.*

*Все намекают мне, что я бездельник,
А я поэт, точнее, я пиит!
Машин по Питеру! Откуда столько денег?
А мой Пегас некормленный стоит.*

Рог по звучанию был громким

Полистав известные в прошлом литературно-художественные журналы «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и другие, я нашел этих ребят и там. Но здесь графоманство маскировалось под изысканность и интеллектуальность. Тогда то я и понял, что все они достойны большего внимания с моей стороны. Все эти потуги меня, к тому времени спокойного и уравновешенного человека заставляли не на шутку нервничать.

Примерно о том же информировал в своих афоризмах Валерий Пивоваров:

Напрасно Муза дивный слог пыталась вставить...

Вчера меня посетила Муза и ей пришлось вызывать Скорую...

И действительно, сколько же их вылезло, кричащих о своей гениальности! Тут никаких «Скорых» нехватит... При таком поэтическом ажиотаже Музы видимо растерялись и куда-то запрятались.

Тогда большинство из новоявленных гениев перестали дожидаться посещений этих капризных особ, и нашли более подходящую фигуру в поэтической мифологии Пегаса. Его то они и попытались запрячь, чтобы пахать поэтическую ниву. Действительно, листая всю эту макулатуру, нельзя было не отметить их жуткую работоспособность. Да они и сами этого не скрывали, выставляя себя в образе измученного раба:

Я у рифм в услужении,
Я у ритма в плену, —
Я у них в услужении,
Я на них спину гну,
Я на них силы трачу
И который уж год,
Даже ночью батрачу
Я на этих господ.

Как они писали о нашей природе! Глубокомысленно: *«Тишина насторожила уши...»*, порой с задором: *«Погодка краснолыжная, пушистая, бульжная»*, а иногда с детской наивностью: *«Зверьки попрятались в лесные домики //Листва опавшая сложилась в томики»*.

А как они писали о Родине, или о бессмертном подвиге наших воинов в последней войне! Например:

«Не хмурь ветеран опаленные брови...», или *«Смертельным огненным шквалом в бой первым шел комиссар!»*.

Это же было настоящее издевательство! И ни какой самокритики, ни одой здоровой мысли. Хотя, была одна, питерского пиита Владимира Саранчука:

А утром с головною болью
Смешно про Родину писать,
Всё исказишь, тоской отравишь,
А люду бедному читать.

Мне стало вдруг очень жалко и наш бедный люд, и тонны бумаги, и типографскую краску. К тому же всё же мучила совесть, а вдруг в этой лавине пяток-десяток «гениев» когда-то вдохновлённых мною. Нет, решил я, надо отдавать должок, и в противовес сборнику с рекомендациями как писать стихи, выпустил книгу *«Сёдла для Пегаса, или поэтическая ярмарка»*, где выступил в роли критика и поэта-пародиста. Это уже была книга о том, как нельзя писать стихи. Музы мне для этого не понадобились, так как сами эрзац поэты меня будоражили и вдохновляли. Здесь тема Вдохновения была затронута более масштабно, ведь выражалась она уже не только от одного лица. Сначала в качестве «красной строки» я хотел взять такое откровение одного из пиитов:

«Я всегда найду себе покой, онемев над новою строкой». Но это оказалось всего лишь красное словцо. Нет, решил я, фонтаны надо затыкать! С выдержками из этой книги я и хочу вас познакомить.

Музы спрятались

Итак, музы попрятались, однако самые любвеобильные поэты моментом возвели в разряд муз, дам своего сердца. Об этом, в порывах откровения они иногда проговаривались:

Песни петь я совсем не умею,
А с тобою готов петь всегда.

В основном это были местечковые «гении», воюющие с трудностями поэтического слога. А личные музы им хоть и помогали, но без ожидаемой прыти. Однако, чтобы читатели этого не заподозрили, они, слямзив рифму и образность гениальных предшественников, усилив эротичность восприятия, делали своим музам посвящения типа:

Твои груди пара лебедей,
Я не первый их ласкаю из людей,
Я целую их, милую их любя,
Ведь они такие только у тебя.

Вот одна из пародий на такого любвеобильного поэта:

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

*Я люблюсь твоими коленями,
Обнимаю, целую их с силою.
О любви к тебе пишу стихотвореньями,
Не могу позабыть тебя милую.*

Александр Коновалов

*Нет, ты не знаешь, сколько мне трудов
К тебе в любви писать стихотвореньями,
Я пропустил уже десяток снов,
Сломал три ручки в это воскресение.*

*Мне страсть такую не преодолеть,
Полгода бьюсь с лукавыми сомненьями,
Но ведь однажды было, было ведь —
Я обнимался с этими коленями.*

*Но дальше не пустила ты — ни-ни!
Неужто не могла чуть-чуть расслабиться?
А мне теперь никак вот не усни,
К тому же на бумагу надо тратить.*

*Сейчас отправлю новое письмо,
Хочу отметить: все конверты авиа,
Пью только чай, какое уж вино,
Пью за любовь и наше с вами здравие!*

Конечно, не каждая женщина может выдержать такую обременительную нагрузку. Да и сами поэты иногда пресыщались о чём иногда в сердцах оговаривались:

*«Необходимо дать себе свободу,
предмет любви избрать повторно.»*

Кто же будет спорить? По себе скажу – влюблялся неоднократно. Яркие женщины оставляют яркие воспоминания, любительницы косметики – ароматные, а есть очень сдобные, воспоминания о которых очень аппетитны. Но тут вдруг наткнулся на витаминное восприятие своей подруги. И опять я вдохновился.

ФРУКТОВЫЙ САД

*Куда там фруктам до тебя,
Нитраты фрукты доконали.
О том, как я люблю тебя
Хочу, чтоб в целом мире знали.*

Иван Майборода

*Ты самый мой большой фруктовый сад,
Тот сад, что я однажды посетил,
И словно забродивший виноград,
Тебя в себя я вдохновенно влил.*

*Когда впервые обнажилась предо мной,
Тебе решил поэму посвятить,
Пишу её и летом и зимой,
Но всё её никак не завершить.*

*Я всех поэтов переворошил,
Я приглашал к себе все девять муз,
Уже не вспомнить, с чем тебя сравнил,
Здесь авокадо, здесь и манго, и арбуз.*

*Весною ты цветёшь, как пастернак,
И как капуста, зреешь к ноябрю,
Но вдруг почувствовал я: что-то здесь не так,
Нитраты появляются, смотрю.*

*А я их, между нами, не люблю,
Они обычно деформируют живот,
Тебя, чуть перезревшую, молю:
Ну потерпи, не увядай хотя бы год.*

*Уверен, справлюсь месяцев за семь,
Шедевр родится и для сердца и для глаз,
А после я тебя, конечно, съем
И про огрызок напишу рассказ.*

И хотя графоманистый люд в период поиска очередной своей вдохновительницы и высказываются с долей цинизма:

«Нет подруг при встречах нелюбимых...»,

каждый хранит в сердце заветную мечту о той единственной, которая и согреет и поймет.

На поиски идеала меня натолкнули строчки Геннадия Елистратова: *«и светлую избу построит, и песню о друге споет, и в космос дорогу откроет, и лебедем в вальсе плывет. Стихи прочитает и спляшет, и стопку до края нальет...»*

МЕЧТА ПОЭТА

*Давно проникаюсь мечтою,
Надеюсь, и жду, и грущу.
Уверен: её я достоин —
той самой, какую ищу.*

*Прикрыть мне глаза только стоит,
и вновь предо мною Она,
что с легкостью избу построит
и выпьет со мною вина.*

*Она и борща мне наварит,
стихи с выраженьем прочтет,
любовью и страстью одарит,
пока я дремлю, простирнет.*

*И с легкостью, как между делом,
до блеска начистит паркет
и, радуя стройностью тела,
крутнёт предо мной пируэт.*

*И в баньке похлещет до пота,
уложит меня на кровать,
сама ж упорхнет на работу
любимые шпалы таскать.*

Мне приходилось встречаться с доморощенными поэтами на их тусовках где я быстро понял, что меня там не ждут. Чувствовал, я им мешаю и как бы укор: нельзя так писать, надо писать как все! Чего все косишь под классиков? Им-то можно – они уже умерли, а ты живой и или пиши как пишут они, или вали подальше. Что я и сделал.

Они с увлечением издавали свои сборники и издавали журналы. Они даже учреждали свои премии и медали и проводили свои презентации чуть менее шикарные чем вручение Оскара.

**Медаль одного из новоявленных
писательских объединений**

Если мне было не по себе от этих «гениев пера», то какого было Музам? Об этом хорошо сказал Александр Конопатский:

**Когда он называл себя поэтом, кошмары музам начинали
сниться!**

Несправедливость

Вдохновение субстанция не материальная – вдохнули в тебя а ты трудись и воплощай что надуло. Получить из нематериального материальное и шелестящее оказалось проблематичным. А как хотелось... Избитое:

краткость- сестра таланта и мачеха гонорара!

заставляло новоявленным писателям усиленно нажимать на перо и давить на клавиши множа свои «шедевры»

К концу 90-х все литературные и периодические издания были завалены. В одних только интернет-сайтах поэтов на сегодня числится около ста пятидесяти тысяч. Ребята пёрли напролом и брали штурмом отделения Союза Писателей. Естественно, СП стало не хватать, и их сначала стали делить, потом размножать, а затем создавать и новые поэтические братства:

Все люди – братья! А поэты,
Должно быть, братья-близнецы:
Хотя по разному одеты
И разные у них отцы.

Николай Васильев

Братства, создавали свои газеты и альманахи. В них они восхваляли своих и выливали уша-ты грязи на конкурентов. Но всех их всё же мучила не востребованность, пишешь, пишешь, а толку?

Меня уж пол-Питера читает,
Да только Лениздат не сознает
Того, насколько он теряет,
Что до сих пор меня не издает.

Александр Лазаревский

Даже штатным писакам старого формата, воспевающим боевые и трудовые подвиги советского народа, стало совсем не вмоготу:

ЧТО ПОЭТА НЫНЧЕ КОРМИТ

*Ибо будь ты в лучшей форме,
Не поднимешься со дна.
Что поэта нынче кормит?
Переводы и жена!*

Вадим Борисов-Введенский

*Мне сказал поэт маститый
За стаканчиком вина:
– Трудно жить сейчас пиитам,
Хорошо, как есть жена.
Повезло поэту Славке,
Что ему тот гонорар.
Его баба на заправке —
Там совсем другой навар!*

*А у песенника Васи
Головной экономист
На какой-то крупной базе —
Потому он оптимист.
— А у вас? — вопрос свой вставил,
Продолжая ту канву.
Сплюнув, тон он малость сбавил:
— Переводами живу.*

А что уж тут говорить про молодых, энергичных, рвущихся к славе. Не получив признания, они просто полыхали:

ПРОКЛЯТЬЕ

*Рассыпья, нечистая сила,
Отхлынь, кровожадная, прочь!
Ты счастье мое надкусила,
И мне уже трудно помочь.*

Борис Маслобоев

*Мне на уколы денег не хватает,
Есть на таблетки — правда, не на все,
Вот потому и ведьмы донимают,
Особенно на взлётной полосе.*

*Я так хочу к заоблачным вершинам
Взлететь — хоть на Олимп, хоть на Парнас!
Но эти кровожадные скотины
Мешают мне уже в который раз.*

*Как только соберусь я разбежаться,
Чтоб оторваться от земли и воспарить,
Они, подлюки, сразу же кусаться
И мётлами по голове вовсю лупить.*

*Закончилось давно моё терпенье,
На эту разухабистую тать
Во все инстанции пишу я заявления,
Что классиком мне всё мешают стать.*

*Искусанный, избитый этой бандой,
Который год страдаю день и ночь.
И даже рогбореевские гранды,
Боюсь, не в силах мне уже помочь!*

Отовсюду звучали жалобы о своих творческих мучениях, проблемах со здоровьем, издержками во внешности:

«Опадают кудри словно листья...»

«С высоты прединсультного пика...»

На пути самовыражения они с тоской и печалью рассказывают нам свои проблемы с финансами и делятся грешными мыслями.

У ПОСТАМЕНТА

*Тут глазам Ильич бронзовощёкий
С ручкой указующей предстал.
От народа страшно он далёкий,
И народы страшно он достал.*

Генрих Лазаревский

*Стоит везде в знакомом эпатаже,
То с кепкой, крепко сжатую в руке,
А то рукой протянутой укажет:
Там коммунизм, совсем невдалеке.
Гранитный, бронзовый, иной раз и бетонный
Народом водружён на постамент,
Вчера он гением у нас был наречённый,
А ныне – непонятный элемент.*

*И хорошо, поставили повыше,
Лишь голуби, бывает, достают,
Но вот недавно я такое слышал,
Что кое-где в цветмет его сдают!
Гранитно-там или бетоннощёкий,
Да пусть стоит – хоть площадь, хоть вокзал,
Народу в этом виде он далёкий,
А бронзовый – народы он достал!*

*Часа четыре Генрих, углублённо,
В задумчивости рядом с ним стоял,
То ли в рубли переводил он тонны,
А то ли рифму новую искал.*

Совсем другое дело – поэты, пробившиеся в избранники, имеющие какое-никакое имя, членство в СП, ученые звания и пр., прописавшиеся на страницы известных журналов. Они манипулируют словами и терминами, пока ещё недоступными обычным пиитам.

ПАДЕЖНЫЙ ПАССАЖ

*Плывут минуты океаном
Всепоглощающих надежд.
Мы в танце медленном и странном
Играем в дательный падеж.*

Сергей Новиков

Имею к вам я предложение

*Прочесть прекрасные стихи.
В них чувств несу своих брожение
И мысли – как они лихи!
Они все родились в мученьях,
Как схватки были тяжелы!
И вырвалось стихосложение
Из мрака беспросветной мглы.
В нём для умов даю вам пищу,
Запал душевному огню,
Я вас от пошлости очищу.
Ничуть себя в том не виню,
Что при творенье силы отдал,
Оставил бы – получше б жил,
Всё, что скопил за эти годы,
Вам безвозмездно предложил.
Себе ни капли не оставил,
Весь на нулях – мой путь в бомжи.
Как тяжёк путь к бессмертной славе!
Ах, падежи вы, падежи...*

Проанализировав ситуацию, я решил с этими наивными мечтами о вознаграждениях и гонорара завязать, тем более, что такой же как я неприкаянный Александр Циткин озадачил вопросом:

Являются ли однокоренными слова «гонор», «гонорар» и «гонорей»?

Путь к бессмертию

Но все же и гонорар, даже с приложениями званий и дипломов для поэтов не главное. Да это и несовместимо. Вы где-нибудь слышали – богатый поэт?

Помнится римский богач Мecenат, чтобы втереться в доверие императору Августу заказал поэту Горацию серию гимнов во славу правителя. И подарил удачливому поэту поместье.

Но почему-то все предпочитают воплотиться в осуществившуюся мечту Пушкина. Александр Сергеевич в своих мечтах видел памятник себе гениальному, о чем и обмолвился:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

с намеком: а остальное дело ваших рук.

Причем писал он это перед смертью, уже признанным гением. А вот непризнанные ходят толпами и умоляют: послушайте, я вот на на пару с Вдохновением создал! Причем «создал» звучит значительнее чем «воздвиг».

За непризнанными старательно подтягивается молодежь. Они тоже хотят примазаться к вечному, изобресть что-то новое. Но и предшественников иногда продолжают.

ОТХОДИЛОСЬ И ОТЪЕЗДИЛОСЬ ЗА КРАЙ...

Так жилось, так пелось, так писалось,

*Так ходилось-ездилось за край...
Василий Ковалёв 27 лет*

*Не жалею, не зову, не плачу —
Мысль такую высказал поэт,
Он, как я, был, знаю, тоже мачо
И писал, когда моих был лет.
И меня тут мысли посетили,
Что уже, похоже, отжилося.
Всё-то мы по жизни откоптили,
Всё уже отпелось, отпилося,
Отлюблилось маковым цветочком,
Отстрелялось, будто из ружья,
И отпенилось пивком по почкам,
И отбилося (били всё мужья).
Лучшего, считаю, уж не будет,
И отъездилось уже, похоже, в Крым,
Как довяну, между нами, люди,
Улечу, как с белых яблонь дым.
Все поэты так вот тосковали
О былом — я тоже будь здоров.
Я хочу, чтоб все в округе знали,
Как страдает Васька Ковалёв!*

Ну а некоторым обыденность слогосложения классиков не по вкусу и потому они смело вносят свежую струю:

ГРЁБАНЫЙ СТИХ

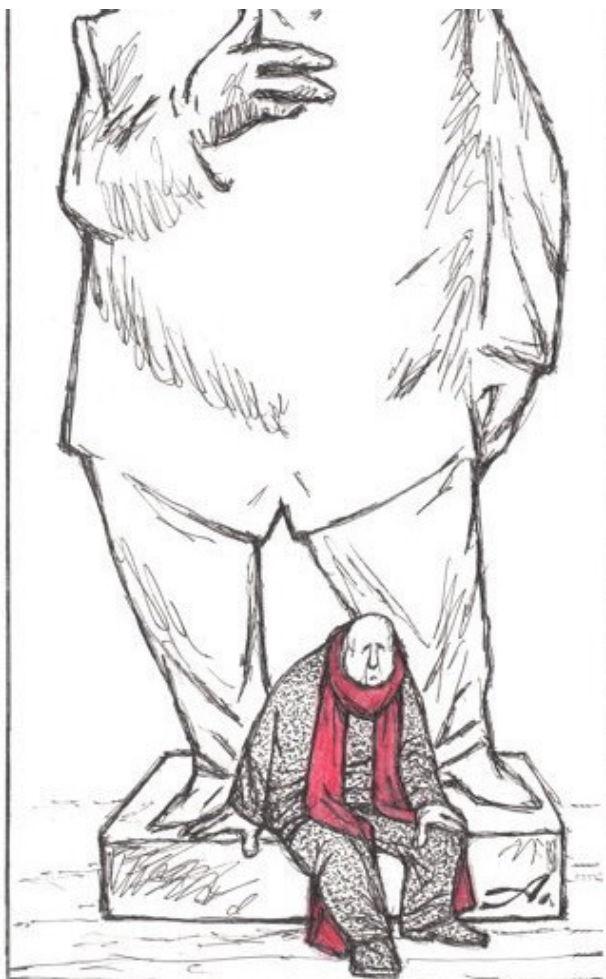
*Выполз нег на зелен луг.
Тихо лёг.
Полежал один денёк
и утёк.
Александр Левин, молодой программист*

*Выполз Грёб на белый свет,
тихо лёг,
полежал чуть-чуть,
затылок поскрёб.
Что-то в мире воздух стал
сыроват,
и народишко кругом
туповат.
Мимо Левин шёл проведать куму,
и пригрёбся Грёб наш сразу к нему:*

*— Саи, пошли-ка покорять белый свет,
станешь враз и программист и поэт.
Буду рифмы я тебе пригребать...*

*А и вправду, что такого не взять?
Псевдонимчик прилепил ему – Нег
И галопом в стихотворный забег.
Строчки сразу же все стали лихи,
Жаль, негодными враз стали стихи.*

В конце концов, перевернувшись всю эту разномастную кучу, я остановился на главном мотиве этих творцов. Не намного отличаясь от упомянутого в начале Васи, который заверял, что он здесь был, все они хотят увековечить свое имя.

Пределом мечтаний поэтов всех категорий является одно:

БЕССМЕРТИЕ

*Кто должен умереть – умрет.
Кто выживет – бессмертным будет.
И, если даже смерть придет,
друзья за это не осудят.*

Геннадий Елистратов

*Кто должен умереть, умрёт.
Не сомневайтесь, это будет с каждым,*

*Ко всем: кто ждёт её и кто не ждёт —
Костлявая заявится однажды.*

*Пусть кто-то попытается сбежать,
А кто свой дом на все запоры закрывает,
Но ей на все уловки те плевать,
Трусливых она, ох не уважает.*

*Вот то ли дело я, хотя не ждущу
В ближайшем будущем её прихода,
Средь смельчаков не в заднем я ряду,
Отвагу подарила мне природа.*

*Придёт, скажу: – Вот все мои грехи,
За них готов я понести и кару,
Зато какие я пишу стихи
Великолепные, прочти хотя бы пару.*

*Она взахлёт десяток их прочтёт
И где всплакнёт, а где-то улыбнётся,
И вся костлявость у неё уйдёт,
Она вдруг спелым яблочком нальётся.*

*А я скажу: – Вот я с тобой уйду,
Друзья меня, конечно, не осудят,
С трудом переживут эту беду,
Но что же с человечеством-то будет?!*

*Ну кто слова поддержки всем найдёт,
Подскажет путь – куда идти, откуда?
Смутившись, смерть тихонечко уйдёт...
А я останусь и бессмертным буду!*

PS. Будут ли востребованы поэты в будущем, сказать затрудняюсь. В самом ближайшем времени этого точно не произойдет.

Упрощение языка, нивелирование потребностей и моральных принципов не способствуют развитию данного вида творчества.

Уже сейчас поэзией интересуются менее одного процента читателей, да и то большинство из них те, кто сам пытается писать.

Но стремление к самовыражению у людей будет всегда.

Вот с ними я и хотел поделиться своим взглядом на пресловутое состояние ума и души
Вдохновение.

В процессе любого творчества участвуют две составляющие – разум и эмоции. Причем разум участвует в этом процессе дважды. Сначала через него проходит информация извне, отчего зависит полнота и красочность картины восприятия, а потом с его же помощью рисуется другая картина, в которой смешаны эмоциональная и философская составляющие каждого индивида. Только развитием ума и глубиной эмоций достигаются яркость восприятия и социальная значимость каждого произведения.

Гори гори ясно...

Вдохновение не приходит свыше. Оно находится внутри каждого и требуется лишь какой-то небольшой толчок, маленькая искорка, чтобы его разжечь.

Но разжечь можно лишь те души, в которых есть чему гореть.

Здесь и далее будут приведены отзывы на публикации эссе и очерков на российских и зарубежных сайтах.

«Растолкуйте, слезно прошу, что это за графоманы появились среди нашего народа? Кто говорит, что болезнь такая, а кто, что это бандиты с ножиками.

Я вот и стихи на эту тему написал:

Сегодня я немного пьян,
уж строго не судите, —
придет к вам ночью графоман,
когда вы крепко спите!

И дальше, для страху добавил:

Он ваши деньги заберет,
и книжку искромсает,
изрежет толстый переплет,
где муза обитает,

и еще:

Разбудит в темноте жену
и с вашими стихами
ее, бедняжечку, одну
к ее отправит маме.

А если это все-таки болезнь, то написал по-другому:

Ты болен, черт тебя дери,
Ты, что, схватил заразу?
А помнишь, как бежать к двери,
Чтоб быть на месте сразу?
Стихи какие изорви.
Короче, ты из книжки
Стихи свои назад бери
И сдергивай штанишки.

Конечно, я никогда такую антиобщественную вещь не написал бы, я же не псих, но прочитал несколько статей на эту тему, ничего не понял, и поэтому стал приводить мысли в порядок. Взял листок бумаги, и вот все это родилось само собой.»

После долгой утомительной цитаты, которую к тому же воспроизвожу не полностью, хочется добавить и собственные мысли.

Всегда были пишущие люди. Пушкин и граф Хвостов, который вошел в русскую литературу тем, и не только тем, что увидел зубы у голубя. Достоевский, Лев Толстой, Вера Панова, Константин Паустовский, Корней Чуковский, Агния Барто. И еще десять раз по десять тысяч поэтов и прозаиков. К примеру Николай Шпанов, который пек толстые романы как сдобные булочки. И получал приличный гонорар.

У нас поэты денег не зарабатывают. А потому – все сплошь графоманы, за редким исключением московских более пронырливых собратьев.

Кстати, и автор статьи А. Аимин сам стихи создает, и честно свой хлеб отрабатывает в администрации Лужского муниципального образования Пензенской области. Может, и его отнести к той же категории?

Почему люди пишущие становятся болевой точкой? – Туда же, пишет!

У любого поэта найдутся стихи, которые с графоманскими схожи. Но хватает у публики уважения не слишком задевать устоявшееся имя.

Вопрос: А как имя приобрести? Сразу писать гениально, как Вильям Шекспир?

Ответ: Современникам нашим это не по плечу. Вот у общества остается два варианта: или остаться навеки только с Шекспиром, или позволить человеку расти и учиться на собственных ошибках.

Люди, пробуящие себя в литературе, требуют не приклеивания ярлыков, а ежедневного доброго к себе внимания. Со стороны как поэтического сообщества, так и официальной власти. Задачей власти должно быть не вырастить второго Вильяма Шекспира у нас в России, а постепенно поднимать уровень культуры, нравственности народа. И в этом у нее есть помощники, не так ли, господин Аимин?

И когда находятся многие тысячи энтузиастов, появляются и снобы. Им надо быть раде-телями за чистоту и точность русского языка, который, кстати, рождает народ, и во многом вот эти пишущие.

Вот ведь беда, при всем начальном интересе к статье, к середине автор уже приобрел изрядно занудства, демонстрируя свои способности (меньше примеров было бы убедительней), что только уважение к теме и проделанному труду заставило меня выискивать аргументы про и контра из дальнейшего.

Феномен, котрый мы обсуждаем, я уже в одном из постов назвал так – мы идем к пишу-щей нации, и за это нас будут уважать в мире.

Мы никогда не обругаем гжель, жостовские поделки. А тут-то чего мы раскричались?

– Ах, как много развелось в России пишущих стихи и прозу! Ах, какой кич!

На кого кричим?! Уж не народ ли?!

Аноним

Вот вчера ко мне, кажется, пришло вдохновение: буквально за час написал стихотво-рение (о, для меня это прорыв), а на утро прочитал – такая, извините, дребедень.

Вот и жди после этого вдохновения...

Даниил Веретенников

Благодарю, Алексей, пишу уже давно – я не новичок в стихии стихов. Вот только вдох-новение – вещь тонкая и непостоянная, увы.

Нора Нордик

Мы самая пишущая страна в мире. Самая говорливая

Вот за эту страсть нас и надо хвалить.

А то – вы такие, вы сякие. А мы всякие!

Мы любим свой край, свой язык

А те, кто хотел бы заставить людей молчать и так уже достигли многого.

Надо в людях хорошее искать, а не ярлыки клеить на спину, как на зоне.

Простите, что рассердился.

Заинтересовавшись деятельностью графа Дмитрия Ивановича Хвостова, я провел небольшие литературные раскопки в Интернете. Поисковая система «Яндекс» любезно выдала мне ровно сто страниц ссылок. Я узнал и о математическом определении графа, о том, что это чудовище имеет не столько голову, но и несколько хвостов, и я разыскал

также многое о том, что мне было нужно; относительно Дмитрия Ивановича сведений было предостаточно.

Я это знал и ранее, что граф Хвостов был полноправным участником литературного процесса пушкинской поры, по плодовитости он превзошел многих и имел вполне сложившуюся репутацию в литературном мире. Не было самого мелкого события, на которое он не откликнулся бы басней или одой. Он не был одинок. Людей, не наделенных большими талантами, и в то время было немало. Так, Константин Батюшков в стихах, отосланных Вязьскому, упоминает еще об одной личности:

Я вижу тень Боброва
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой;
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи, Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов; Им дышит граф Хвостов, Шахматов оным дышит, И друг твой,
если пишет
Без мыслей кучи слов
<1817>

Обратим внимание на концовку стиха: некто «пишет без мыслей кучи слов»
Любите русское слово, и хватит о графоманах!

Врачу: излечися сам. Это ко всем нам поэтам относится
Исключения сделаем только для малого числа людей, того заслуживающих. Давайте
не будем искать среди нас ни тех, ни других.

Главное, не писать «без мыслей кучи слов», и все!

Николай Ганебных

СТРАСТИ ПО ПЕГАСУ

Когда мне было 12 лет, нас, участников хореографического коллектива «Дома пионеров» наградили поездкой в Ленинград. Естественно повели в Эрмитаж. Мифов древней Греции я тогда еще не знал, и потому после все в голове перемешалось.

Однако, отчетливо помню, что меня поразила картина «Персей и Андромеда» художника Рубенса. Причем два ее персонажа – почти обнаженная Андромеда, что было вполне естественно для моего возраста, и крылатый конь необычной яркой масти. Экскурсовод нам сказала, что это Пегас.

С тех пор имя коня у меня надолго стало ассоциироваться со словом пегий.

Возможно, я бы и прожил с этим детским заблуждением всю жизнь, если бы не стал поэтом. Пегас всегда был любимым персонажем юмористов и сатириков. Даже поэтессы над этим персонажем подшучивали:

*«Принца на коне» – такой заказ —
У судьбы просила со слезами...
Вместо принца прилетел Пегас —
Блин, теперь кормлю его стихами*

(некто Зульнара)

Но перейдя к более серьезному творчеству, пришлось заполнять пробелы в своем образовании. Среди прочего пришлось окунуться и в мифологию и в этимологию. Из последней я и узнал, что определение пегий произошло от др. русского п; гъ, (ст. славянский п; готивъ) и означало – веснушка.

В болгарском, польском, словенском и чешском языках это слово в этом значении живет и сегодня. Однако, когда углубился в исследование этого мифологического существа небольшую связь между Пегасом и пегой мастью я все-таки нашел. Но все по порядку...

Кто же он – Пегас?

Если сейчас попробовать спросить у людей: какие ассоциации у них вызывает слово Пегас? – то ответы могут быть самые разнообразными.

Далекие от творчества респонденты вспомнят туристическую фирму и сигареты «Пегас», кто-то даже, назовет и океанскую рыбу Пегасик.

Самый вредный «Пегас»

Молодое поколение знакомо с созвездием Пегас из телесериала «Звездные врата Атлантис» и известной компьютерной игрой.

Если же покопаться в справочниках, то там можно найти и ракету «Пегас» и легкий советский бомбардировщик 1943 года с этим же именем. Но, все-таки большинство людей знает крылатого Пегаса как символ поэтического творчества. Вот строки из стихотворения Владимира Набокова написанные в 1922 году:

*Гляди: вон там, на той скале – Пегас!
Да, это он, сияющий и бурный!
Приветствуй эти горы. День погас,
а ночи нет... Приветствуй час пурпурный.*

*Над крутизной огромный белый конь,
как лебедь, плещет белыми крылами, —
и вот взвился, и в тучи, над скалами,
плеснул копыт серебряный огонь.*

Легенд и мифов о Пегасе много. По одной из них, конь был рожден медузой Горгоной от Посейдона, и выпрыгнул из ее туловища вместе со своим братом воином Хрисаором. Произошло это в тот момент, когда Персей отрубил ей голову.

По другой легенде его породила попавшая на землю кровь той же Горгоны. Летал Пегас с быстротой ветра, жил в горах, предпочитая две из них – Парнас и Геликон.

Ударом копыта о землю он мог выбивать источники. Так, например, у рощи Муз на горе Геликон возник источник Гиппокрена (Лошадиный источник), из которого впоследствии черпали вдохновение древнегреческие поэты.

Охлаждала же пыл история о том, что когда-то сын Посейдона Беллерофонт, с помощью золотой уздечки Афины, оседлал Пегаса и победил Химеру. Но потом в эйфории от этой победы попытался взлететь на Олимп. Зевс воспрепятствовал этому – наглец упал на землю, и стал калекой, а Пегас стал возить главному олимпийцу громы и молнии выкованные Гефестом.

Может потому поэты и были скромнее Беллеронфонта, и мечтали не об Олимпе, а хотя бы о Парнасе, где на одной из двух вершин находилась сталактитовая пещера, которую древние греки называли Корикийской. Там в древние времена устраивались вакхические празднества, где и вино лилось рекой, и Музы своими полуобнаженными телами дарили поэтам вдохновение.

Вакханалия. Никола Пуссен

Пегас был так популярен, что стал символом города Коринфа. Примерно с 550 г. до н.э. там начинают чеканить серебряные монеты с изображением Пегаса. Назывались они статер и были весьма весомы: примерно 3 драхмы (8,7 гр. серебра).

Пегаса с Коринфом связывала одна из легенд, согласно которой этот мифологический персонаж имел там стойло у источника Пирена. Там его и поймал Беллерофонт. Такие понятия как символика и геральдика тогда еще не существовали, но, видимо, образом Пегаса и было положено начало. Лет через 30 начали чеканить монету и Афинах, где на одной стороне была голова Афины Паллады, а на второй все тот же Пегас.

Ценность этих монет сегодня очень велика, и современный Пегас, изображенный на итальянской монете в 10 лир в стоимости им значительно уступает.

Кони – история...

Для многих людей кони по сей день ассоциируются с ветром. А какие главные характеристики у ветра? – быстрый и вольный. Из домашних животных кони выделялись именно этим – быстротой и норовом.

Их скоростные рекорды поражали людей уже в древние времена. Например, почта персидского царя Дария позволяла преодолевать всадникам расстояния в 200 километров в сутки. А вольность подтверждается тем, что лошади были одними из самых последних одомашненных животных.

Стада коней когда-то вольно паслись на огромных пространствах Южнорусских степей, где дикие лошади встречались еще в первой половине XIX века. Их же на границе с Китаем встречал русский путешественник Пржевальский.

По свидетельству археологов самые первые попытки приручить коней делались в Южном Предуралье (ботайская культура). Это подтверждают раскопки на стоянках Муллино и Давлеканово, расположенных на территории Башкирии (VII – VI тыс. до н. э). В древних поселениях, состоявших из 50—150 землянок, найдены сотни тысяч костей животных, и остатки загона для них. Подавляющую часть находок составляют кости лошадей примерно одного возраста до 5 лет.

Деревня первых коневодов. Реконструкция

Поначалу коней использовали только для питания. Потом кроме мяса стали употреблять в пищу кобылье молоко. Затем лошадей стали использовать для загона своих же диких собратьев.

Примерно 5 тысяч лет назад южный Урал и северный Казахстан стали местом разведения одомашненных лошадей. Там зафиксированы первые изменения скелета, говорит о попытке выведения их новых пород. Подгонка «товара» под спрос свидетельствует о начале торговых отношений по продаже молодняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.